

МОГУЧИЙ ТАЛАНТ

М. А. ШОЛОХОВУ — 75 ЛЕТ

Первые три книги «Тихого Дона», переведенные на белорусский язык, я прочел за лето, перейдя из третьего в четвертый класс. Не хочу хвалиться, что был каким-то вундеркиндом. Просто в то время в нашем местечке детской библиотеки не было, и приходилось читать, что попадало под руки. Позже детство взяло свое; и в пятом, шестом классе я с увлечением «глотал» Жюль Верна, Майн Рида и другие приключенческие книги.

Но феномен тем не менее удивительный: даже для детского восприятия Шолохов много давал, заставлял биться сердце, волноваться, сочувствовать, радоваться, с неослабевающим вниманием следить за судьбой его героев.

В сороковом году, перед самой войной, за собственные деньги, заработанные во время каникул на железной дороге, я купил последнюю, четвертую книгу «Тихого Дона».

Несколько раз в молодом и зрелом возрасте перечитывал «Тихий Дон».

Теперь, когда за плечами более пяти десятков лет, можно высказать некоторые мысли относительно того, какое значение имели книги Шолохова для меня лично и, возможно, для некоторых моих сверстников.

Мое поколение входило в жизнь через школу и книги. На-

верно, по причине известных социальных процессов, происходивших в стране после революции, мы готовились стать интеллигентами: учителями, инженерами, врачами, некоторые собирались, окончив училища, стать военными командирами. Но жили мы, воспитывались, по существу, в народной, преимущественно крестьянской среде, сизмала были близки к земле, знали, что такое восход и заход солнца, роса на траве, ковыли и жатва, запах свежеиспеченного хлеба, рано приобщились к труду.

Потому, наверно, феномен с чтением «Тихого Дона» в начальной школе можно как-то объяснить: быт, нравы, сама стихия народной жизни, избранные там, были знакомы, ощутимы еще в детстве, хоть и далеко, скажем, от Дона до междуречья Припяти и Днепра.

О том, какова суровая, кровавая борьба за новый мир, рассказала юношам и девушкам моего возраста Отечественная война. Но еще до этого рассказывал Шолохов.

Таким образом, главной книгой для поколений, входивших в жизнь между Октябрем и Великой Отечественной войной, был «Тихий Дон». Я не хочу этим отрицать значения произведения для других поколений

и влияния на их воспитание других книг.

С чисто писательской точки зрения «Тихий Дон» М. Шолохова непревзойденный в советской литературе шедевр. Нет иного произведения, где бы так органично соединились психологический анализ и поэтический синтез, музыка напевного народного слова и пластика живописи, глубина исследования самых сокровенных движений человеческой души и доступность, легкость повествования.

Как писатель, я знаю, что пафос произведения, его основную глубинную идею рождает любовь к родной земле. Каждый, особенно в детстве, юности, знакомый уголок рождает своеобразное настроение, которое потом, когда садишься писать, перерастает в соответствующую музыку, в то, что теоретики называют стилем. Это настроение подобно состоянию, которое бывает у влюбленного, потому поддаться ему нельзя. Это святой трепет души, потрясенной красотой мира и тайнами, в этой красоте открывающимися. Хорошо, что Шолохов написал «Тихий Дон» в молодом возрасте, когда еще не растрачены силы души, способной к самым глубоким переживаниям. Даже прервавшись для «Поднятой целины», тоже выдающегося произведения, насыщенного той же сыновней любовью к родной степи, он смог от первой до последней книги пронести любовь к родному краю, подняв заключительную часть эпопеи на высокую трагическую ноту.

Молодость прозорлива. Многие великие произведения всемирной литературы написаны их авторами, когда они были очень молоды. Из отечественной литературы в связи с этим стоит вспомнить Пушкина и Лермонтова. Янка Купала написал «Курган» в двадцать восемь лет, а «Павлинку» — в тридцать.

Многое удивляет в «Тихом Доне». Можно относительно легко понять, почему так точно Шолохов написал казачий быт, нравы, характеры — сам жил в станице, пусть даже будучи в положении инородного. Но вот он описывает семью купца Мохова, помещика Лис-

ницкого, солдатский, офицерский быт в окопах и землянках первой мировой войны, т. е. картины и психологические явления, которые непосредственно не видел и не мог видеть. Откуда же осведомленность и точность в показе этих неизвестных писателю пластов жизни?

Тут мы имеем дело со способностью гениального художника углубиться, уловить дух той или иной эпохи, времени. Михаилу Шолохову пела революция. Ее идею он воспринял почти в детском возрасте, и именно она помогла ему взглянуть то, что происходило в самых разных станах и лагерях накануне и во время гражданской войны. Понятно, молодому писателю помогал опыт личного участия в борьбе с контрреволюцией — он был продотрядчиком и чоновцем, — во многом помогли рассказы бывалых казаков, участвовавших в империалистической и гражданской войне, архивные документы, свидетельства. Но отличительным в титаническом творческом акте, который он совершил, был могучий талант, природная способность слушать и понимать революцию. Мы не станем спорить насчет того, что было много других людей, которые видели больше, чем Шолохов, схватки и бон революции, однако «Тихий Дон» не написали.

Хочу сказать еще о том, что писателям, которые приходят в литературу вслед за такими могучими талантами, как Шолохов, нелегко работать. Силовое поле притяжения таких талантов чрезвычайно ошутимое; и, чтобы сохранить творческую самостоятельность, собственную орбиту, также требуется немало сил.

В «Тихом Доне» Шолохов блестяще, например, нарисовал, раскрыл три женских типа — Натальи, Аксиньи и Дарьи, которые по своей человеческой природе очень многое говорят вообще про женщин, про женскую любовь. После Шолохова открыть в народной среде типы подобной величины, силы, страсти стало просто невозможно. Во всяком случае, в ближайший исторический период.

Михаил Шолохов глубоко воспринял гуманистические за-

веты классической русской литературы, которая учила видеть человеческое в человеке. Некоторые писатели увлекаются в последнее время так называемой ситуацией «выбора». Причем выбор свой их герои делают, как говорится, «под занавес». Что произошло с героями после того, как они совершили решающий, несправедливый шаг, мы не знаем. Но, идя таким путем, можно прийти к нежелательным результатам, граничащим с неверием в человека, в его духовные силы и возможности.

Сколько существует литература, человек в ней неуклонно делает выбор между добром и злом, силами тьмы и прогресса. Проблему выбора в широком понимании слова воплощают образы Дон-Кихота и Санчо Пансы, Фауста и Мефистофеля, Пьера Безухова и Анатоля Курагина, Алеши и Ивана Карамазовых.

Григорий Мелехов в «Тихом Доне» также делает выбор. История его метаний между двумя враждебными станами как раз и определяет основную стержень шолоховской эпопеи. Природа отчаянных метаний Григория понятна: за ней стоят многочисленные социальные и другие слагаемые необыкновенной, во многих отношениях выдающейся, яркой натуры. Мы не можем ненавидеть Григория прежде всего потому, что хорошо его понимаем. Наоборот, мы сочувствуем ему, жалеем, видя, как тратится человеческое в человеке, как слишком поздно достигает герой желанного берега. В этом случае обстоятельства, привычки сильнее человека — и рождается трагедия. Но в шолоховской трагедии звучит мощный оптимистический аккорд: революция совершалась именно для таких, как Григорий, но дорога ее была кровавая, жестокая, и не все смогли найти правильное направление.

Шолохов учит нас любить человека, верить в его силы, возможности, в высокое его назначение, в то, что все он преодолет и победит, какие бы тяжкие испытания ни стояли на его пути.

И. НАУМЕНКО,
директор Института литературы имени Я. Купалы АН БССР.